

Павел Флоренский, философ ГУЛАГа | Florenski, un philosophe au goulag

Автор: Жорж Нива (Пер. Н. Сикорской), [Лозанна](#), 04.03.2013.

Отец Павел Флоренский

Статья известного слависта приурочена в выходу книги Павла Флоренского [«Письма с Соловков»](#) в швейцарском издательстве «L'Age d'Homme».

Slaviste de renom, professeur Georges Nivat a écrit ce texte à l'occasion de la parution du livre de Père Pavel Florenski, *Lettres de Solovki. 1934-1937* dans une maison d'édition suisse, L'Age d'Homme.

Florenski, un philosophe au goulag

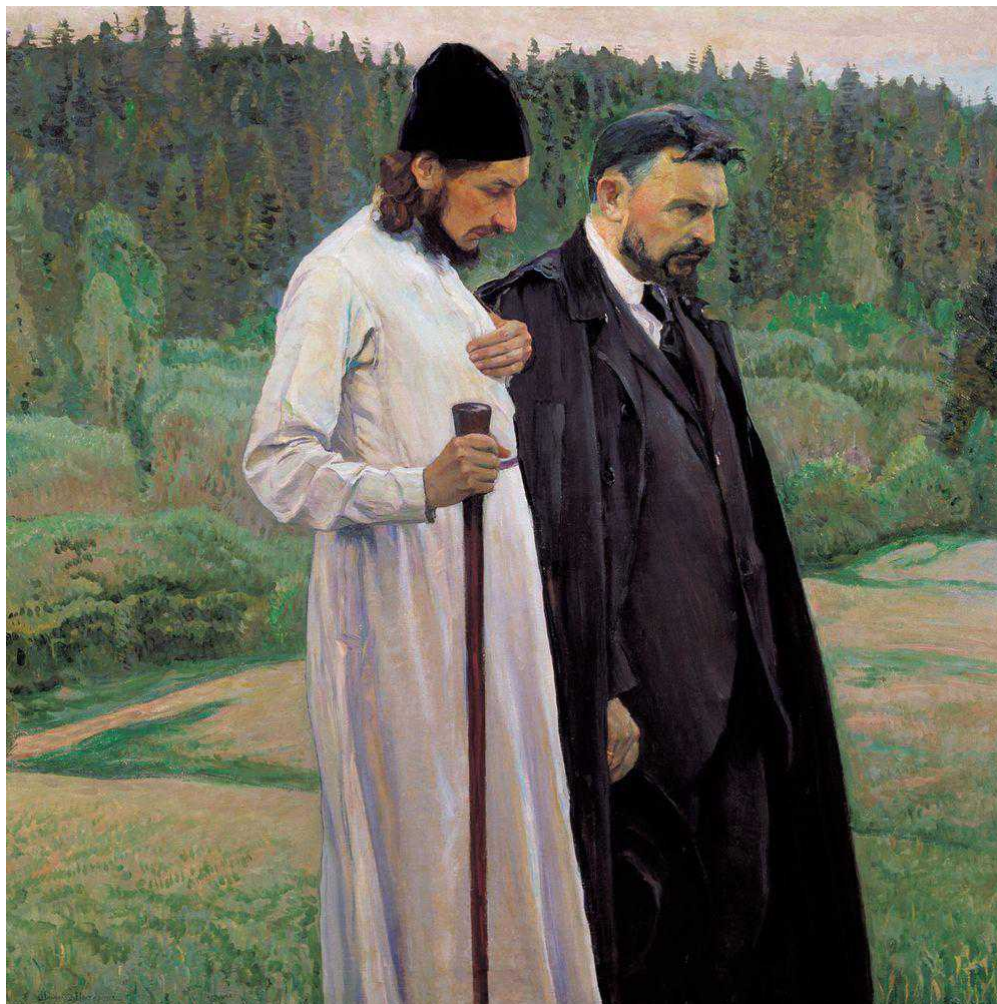
Один, Павел Флоренский, в белой рясе и черном клобуке, в руке длинный посох, который подчеркивает его аскетичный силуэт. Другой, Сергей Булгаков, в пиджаке, пальто накинуто на плечи, непокорная прядь волос. Это «Философы» со знаменитой картины Михаила Нестерова, написанной в 1917 году и хранящейся в Третьяковской галерее. Один – священник, другой станет им год спустя. Один останется в Советском Союзе и будет расстрелян в 1937 году. Другой будет выслан в 1922 году, как Бердяев и другие интеллектуалы «корабля философов», будет преподавать

теологию в Праге, затем в Париже, где и умер в 1944 году.

Философы Нестерова молча идут по бескрайнему острову Валаам, на Ладожском озере, на котором находится Валаамский монастырь. Их взоры опущены, кажется, они размышляют о беспросветном будущем. Булгаков напишет в своих «Мемуарах», что и он, и его друг предчувствовали приближение русского Апокалипсиса, но тот, что в рясе, видел лишь бездну, а тот, что в пиджаке, верил в потусторонний мир.

Флоренский – один из наиболее одаренных представителей удивительной плеяды русских мыслителей и философов 20 века. Он был в равной мере математиком, натуралистом, теологом. В течение долгого времени дата и обстоятельства его смерти оставались неизвестны. Он сотрудничал с новыми советскими учреждениями, в частности, с Высшими художественно-техническими мастерскими (ВХУТЕМАС), с Технической энциклопедией, прекратив деятельность священнослужителя, но оставаясь верным патриарху Тихону до самой его смерти в 1925 году. В 1922 году он публикует «Мнимости в геометрии», работает над планом электрификации России. Сначала высланный в Нижний Новгород, затем, приговоренный к десяти годам лагерей, он в итоге был отправлен по этапу в сибирский лагерь «Свободный», а затем в тот, что был расположен в бывшем Соловецком монастыре, на архипелаге в Белом море. Он был расстрелян 8 декабря 1937 года. С Валаама на Соловки, из одного монастыря в другой, Апокалипсис наступил, бесчеловечность взяла верх.

Павел Флоренский написал множество трудов. Сегодня его сочинения серьезно изучаются в России, в частности, благодаря тому, что его внуки, академик Павел Васильевич Флоренский и его брат, игумен Андроник, активно занимаются увековечиванием памяти деда. Музей Флоренского открыт для посетителей. Но полемика вокруг философа и ученого продолжается. Самая интересная из книг на эту тему, и одновременно самая полемичная, написана теологом, математиком, переводчиком Джойса Сергеем Хоружим.

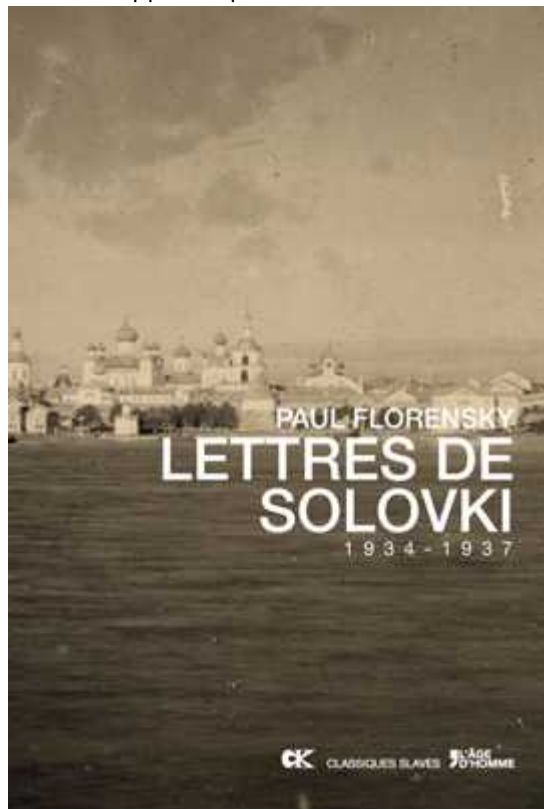
Главный труд

Флоренского, «Столп и утверждение истины», вышел в 1914 году. Это удивительное сочинение, составленное в форме двенадцати писем к друзьям, дополненных приписками к завещанию, одна из которых – размышление над текстом о «мистическом амулете» Блеза Паскаля, который он хранил зашитым в свою одежду. Основные темы писем – хаос действительности (антиномии, от которых так страдал Иов), необходимость преодолевать раздробленность, к которой прибегает наука. Разве не говорит Гиппий Сократу, что «сближение и единство выше разума»? Мыслящая личность окружена «девственными горами из ДА или НЕТ». И он будет уничтожен, если не откажется от своей субъективности. Из этого следует польза наук, таксиномии, перечисления и никогда не кончающегося определения действительности. Бесчисленные семантические или натуралистические исследования Булгакова приводят к своего рода оправданию конкретного, которое может, впрочем, принять форму самой абсолютной аскезы, когда аскет находится в интимном отношении к Творению, и когда бескорыстность приводит к обожествлению плоти.

«Столп и утверждение истины» содержит в себе истинную поэзию, поэзию холода или осени; моменты изнуряющей атараксии. Стучат в ворота, я надеваю галоши, выхожу в ночь и грязь. Я прислушиваюсь. «Никого. Возвращаться еще страшнее... сколько раз я выходил, чтобы открыть ворота, вызванный стуком? И только ветер был моим гостем». Бердяев не любил православие Флоренского. Он сурово критикует то, что окрестил «стилизованным православием». Но может быть, его враждебность происходила скорее из этих полных печали поэм Флоренского, которые так отличаются от роли, которую Бердяев приписывает одиночеству в построении общины.

«Письма с Соловков», которые только что вышли во французском переводе, написаны в 1934-37 годах. В Соловецком ГУЛАГе заключенный Флоренский не пользовался привилегиями, совсем наоборот. Но так как он трудился над изучением различных водорослей, то обладал правом переписки с семьей. Эти письма адресованы его жене, сыновьям и нескольким друзьям. В общем, его желание исполнилось, говорит он с юмором: жить в монастыре. На загадочном острове с его доисторическими лабиринтами и огромными эрратическими валунами, в монастыре-крепости. Именно здесь в течение двух десятилетий содержались интеллектуалы (например, историк Дмитрий Лихачев) и священнослужители, часто избиваемые как собаки. Флоренский изучает остров, как и все, что попадает в поле его зрения, но душа его, как он говорит, «остается глуха к этой красоте». Потому что нет здесь у человека ни минуты одиночества, а местная природа осквернена. Отец Павел сожалеет о тяжелой жизни, на которую он обрек свою семью («родственники врага народа»). Он отказывается от передач, все время говорит о химии, о солях хрома. Только в них есть красота, то, что от нее осталось...

Он обладает циклопической памятью и читает лекции сосланным инженерам. Его

письма похожи на мини-диссертации о Гете и Экерманне, о красоте стиха Расина (а мало кто из русских чувствителен к Расину), о материалистической эстетике Чернышевского, посмертного лидера социалистического реализма, ход мыслей которого ему близок, о палеоботанике, или вот еще об «Истории Англии» Дэвида Юма и «запасах злости, гнева, разрушительных инстинктов, ненависти, бешенства», которые история выявляет в человеке.

В книге содержатся настоящие уроки химии и естественных наук, которые читатель-беотиец наверняка просто пролистнет. Но удивление вызывает другое: явное отсутствие какого-нибудь христианского утешения. Бердяев отметил отсутствие у Флоренского лика Христа. Его вера не сосредоточена на Христе. И когда он воспекает «конкретное», то это – то конкретное, которое он ценит у Бальзака и фламандских художников, а еще больше – в кристаллах соли, мы удивляемся тому, что он рассуждает о божественном Воплощении, «основополагающей заповеди

жизни», без всякой связи с центральной тайной христианства. «Воплощение означает принять в себя мир, чтобы самому создать материю». Новый Лукреций или новый мистик Творения? Тайный соратник Вернадского, изобретателя ноосферы, или отца Тейяра де Шардена? И то, и другое. С одной стороны, отец семейства, каковым был Флоренский, мог бояться скомпрометировать будущее своих детей; с другой, зек-натуралист, будучи которым, он твердо отвергал «болото» субъективного.

Алексей Лосев, еще один крупный русский теолог, прошедший через лагерь, но выживший, также достаточно далеко пройдет по этому пути. И в этом одна из загадок русской религиозной философии: она прошла через каток «научного» и репрессивного социализма вплоть до рабства. Но сохранила, в лице своих наиболее гениальных мыслителей, глобальное, целостное видение Творения, что позволило ей принять неизбежное и сохранить свою невинность. В отличие, кажется, от Блеза Паскаля, который все бросил в пожирающий его огонь. «Мистический амулет», названный так Кондорсе, является для Флоренского «квинт-эссенцией жизни», ключом к которой является его собственная теория развития...

... Мы обязаны появлением переводов обеих книг Павла Флоренского, «Письма с Соловков» и «Столп и утверждение истины», одному и тому же заказчику, сербу, преклонявшемуся перед русской религиозной мыслью: Владимиру Димитриевичу, основателю Голубой серии «София» в его издательстве «L'Age d'Homme». Князь Константин Андроников, в течение многих лет бывший переводчиком генерала де Голля и ставший в Париже православным теологом, был также и неутомимым переводчиком; большая и лучшая часть коллекции «София» – его заслуга. Франсуаза Лоэст продолжила его дело переводом «Писем с Соловков», менее требовательных с точки зрения православной лексики, но более сухих из-за научных экскурсов. Вот какими словами она открывает книгу: Владимир Димитриевич дал мне непосильное для меня задание: перевод на французский всех «Писем с Соловков». С этим заданием Франсуаза Лоэст справилась благодаря семье Флоренского, московским энтузиастам, немецким коллегам и бесценным друзьям-химикам... А Владимир Димитриевич доказал таким образом, что по-прежнему с нами.

[культура Швейцарии](#)

Source URL: <https://nashagazeta.ch/news/15042>